

ВЛИЯНИЕ GERMAHO-СКАНДИНАВСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

О.А. Плахова

Аннотация. Анализируется влияние скандинавского мифа на систему образов и мотивов в англоязычном сказочном дискурсе. Элементы архаических представлений репрезентированы во внутренней форме номинаций мифологических персонажей и системе лингвостилистических средств, создающих их образы. В сказочном дискурсе скандинавские мотивы могут выступать в редуцированном виде, взаимодействуя с античными мифологическими и христианскими представлениями.

Ключевые слова: скандинавская мифология; мифологический персонаж; англоязычный сказочный дискурс.

Мифология Британских островов, наряду с античной, германо-скандинавской и славянской мифологическими системами, является одним из четырех мифогеографических локусов – колыбелей европейской культуры.

Уникальность британской мифологии состоит в том, что она «впитала все мифопоэтические традиции ступавших на ее землю народов – и романтическую мифологию островных кельтов, и куда более “приземленную” и жестокую мифологию кельтов континентальных, и героическую мифологию германцев и скандинавов, и даже “имперскую” мифологию римлян и мистическую идеологию христианства» [1. С. 9].

Интегральный характер британской мифологии в должной мере проявился в англоязычном сказочном дискурсе, центральным элементом которого являются волшебные сказки, а к периферийным областям относятся фольклорные произведения несказочной прозы. В качестве основной причины «концентрации» мифологических представлений в фольклорных текстах жанра сказки исследователи называют характер происхождения сказки, хронологически более позднего по сравнению с мифом образования, появление которой обусловлено десакрализацией мифов, потерей ими сакрального смысла.

Разделяя общепринятое мнение о том, что в основе фольклорного произведения лежит миф, в рамках настоящего исследования мы попытаемся дать характеристику мифологическим представлениям, уходящим корнями в германо-скандинавскую мифологическую систему, которые манифестированы в англоязычном сказочном дискурсе в системе лингвопоэтических средств, в системе образов и мотивов.

Проникновение на Британские острова скандинавских богов началось во время их заселения германскими племенами в V в. Германо-скандинавский пантеон возглавлял Один (Вотан, Водан), культ которого зафиксирован практически у всех германских племен. Вместе с Одним германцы принесли на острова веру в громовержца Тора (Донара), богиню любви и плодородия Нертус (Фрейю), бога войны Тюра (Тиваса, Тиу) [1. С. 53, 59].

Относительно степени влияния германо-скандинавской мифологической традиции на формирование системы мифологических представлений жителей Британских островов существуют противоположные точки зрения.

Как правило, исследователи английской мифологии указывают на то, что система германо-скандинавских мифологических представлений не смогла укорениться должным образом на Британских островах, поскольку германцы в скором времени приняли христианство.

Существует, однако, и иная позиция, ярким выразителем которой является английский поэт Т. Хьюз, считающий, что «германская (скандинавская и англо-саксонская) мифология глубоко укоренена в английском сознании, более близка англичанам, нежели греко-римский пантеон, пришедший в Британию вместе с христианством и вновь утвержденный в эпоху Ренессанса» [2. С. 228].

Каким бы сильным не было влияние германо-скандинавской мифологической системы на национальное сознание английского этноса, мы можем с уверенностью сказать, что в англоязычном сказочном дискурсе прекрасно сохранились и легко выделяются многообразные скандинавские мифологические мотивы.

Отражение системы германо-скандинавских мифологических представлений наблюдается в системе образов английских мифологических персонажей и средствах их номинации. Английские эльфы связываются специалистами в области мифологии со скандинавскими светлыми альвами (*alfr* (elf) < Indo-European **albh* (cf. the Latin *albus*) [3. С. 294]), от которых эльфы унаследовали красоту и проказливость.

На обширном этимологическом материале А. Холл [4. С. 56–57] демонстрирует связь этимологического признака лексем индоевропейского происхождения, родственных *elf*, с понятием белизны, чистоты, реже – яркости.

Имя короля английских эльфов Oberon, возводимое к французскому имени собственному Auberon, Aubrey, исконно английский аналог которого Alfric, имеет идентичное значение компонентов, что и имя немецкого короля эльфов Alberich (elf + king, elf + ruler) [5. С. 501; 6. С. 37; 7. С. 57], и указывает на сущностные свойства мифологического существа. Собственное имя фейри Nanny Button-Кар соотносимо с именем

богини скандинавского пантеона Нанной, супругой сына Одина – Бальдра. Бальдр мыслился богом плодородия и красоты, а Нанна – богиней ночного светила и дочерью правителя луны [8. С. 40]. В этой связи в английском фольклоре сохранились строки, актуализирующие корреляцию существа английского низшего демонария с луной – космическим воплощением скандинавской богини: *The moon shines bright, / The stars give light, / And little Nanny Button-Cap / Will come to-morrow night.*

Представления об английских гномах непосредственным образом связаны со скандинавскими темными эльфами, или цвергами [9. С. 15–16; 10. С. 56].

Согласно скандинавской мифологической традиции, цверги обитают в земле и противопоставляются светлым альвам. Однако в более поздних народных поверьях они полностью смешиваются с природными духами [11. С. 603]. Отличительной их чертой является деформированность облика, поскольку цверги предстают существами отвратительной наружности: cf. *The latter are misshapen... and, with their club-heads and hunch-backs, decidedly ugly* [9. P. 16]. Признак скрюченности (деформированности) существа присутствует в качестве мотивационного в семантической структуре лексемы *dwarf* (AS *dweorh*, *dweorg*, *dwerig*. G *zwerg*, closely related to AS *thweorh*, *thweorg*, crooked [12. P. 37–38]), свидетельствуя о значительном сходстве английских и германо-скандинавских мифологических представлений.

Изоморфизм английского детского духа (буги-няньки) Тома Докина (Tom Dockin, Tommy Dockin) и скандинавских цвергов обусловлен характером их номинаций (Dockin || dockalfar). Сходное с ним существо (Tommy Raw-Head, Tommy Raw-head-and-bloody-bones), как и его северный собрат, боится света и обитает на дне колодца в Шеффилде (т.е. глубоко в земле), который получил название Tommy Raw-Head Well [8. С. 60].

Представления о подземной жизни гномов и их светобоязни закреплены в англоязычном сказочном дискурсе: карлик сопровождает короля древних бриттов на пути к своему дворцу, находящемуся в глубине скалы: *They entered a cave in a very high cliff, and after some journeying through the dark, which appeared to be lighted, not by the sun or moon, but by numerous torches, they arrived at the dwarf's palace, a splendid mansion* [13. P. 45].

Хронологически более позднее слияние образов гномов (цвергов) с образами природных духов в мифологическом сознании получает дискурсивную реализацию посредством словосочетаний *a wayside bush, the high moors above Elsdon, a green glen*, являющихся индикаторами связи гномов с растительным миром и появления у них нового, более собственного фейри места обитания.

Достаточно распространенной атрибутикой скандинавского бога грома и плодородия Тора выступают козлы, запряженные в его повозку. Выступая непосредственными символами плодородия, козлы обладают именами, фоносемантика которых воспроизводит явление грозы, – Тангниостр (Tanngniost) и Тангриснир (Tanngrisnir) [11. С. 546]. В англоязычном сказочном дискурсе у гномов дублируется атрибутика Тора – они передвигаются верхом на козле, что свидетельствует о сохранившихся у них в имплицитном виде функций управления воспроизводительными силами земли и является еще одним доказательством интеграции образов фейри и гномов на основе их функциональных характеристик: *Herla was king of the Ancient Britons, and was challenged by another king, a pigmy no bigger than an ape, and of less than half human stature. He rode on a large goat; indeed, he himself might have been compared to Pan. He had a large head, glowing face, and a long red beard, while his breast was conspicuous for a spotted fawnskin which he wore on it. The lower part of his body was rough and hairy, and his legs ended in goats' hooves* [13. Р. 44].

Элементы зооморфизма гномов (густой волосяной покров на нижней части туловища и козлиные копыта), наблюдаемые в приводимом отрывке, в сочетании с использованием рассказчиком прецедентного имени Пан усиливают тождество данных персонажей с природными божествами низшего ранга и духами и демонстрируют сложное взаимодействие мифологических традиций (германо-скандинавской и античной средиземноморской) в английской лингвокультуре.

Известное влияние скандинавской мифологической традиции в английской мифологической системе претерпели также оборотни, водные духи, драконы, собаки-призраки. Базовая номинация оборотня werewolf возводится этимологами к скандинавскому *vargr*, обозначающему одновременно и волка, и нечестивого человека, безбожника (cf. *u-argr*, *restless*, *AS earg*, *AS utlagh*, *out-law* [14. Р. 48–49]). Образ огромной собаки-призрака Шака (Shuck), поверья о которой распространены в восточной и северной части Англии, восходит к образам охотничьих собак Одина и Шукра (Shukr) – пса Тора [15. С. 104–105].

Германо-скандинавские никсы – водяные существа – функционально соответствуют в английском фольклоре водным духам, населяющим реки и водные источники и регулярно требующим жертвоприношений. Связь с никсами присутствует во внутренней форме номинаций дракона the Knucker of Lyminster, водяного гоблина Nickerbore и дьявола Old Nick, Old Nicky, 'owd Nicker', 'Nicker, thi divil' (< *AS nicor*, *Oícel nykr*, *a water goblin* [8. Р. 40]), подчеркивающей единство мифологических корней, на первый взгляд, разных мифологических персонажей. Данные существа роднит их связь с водной стихией, по-разному эксплицированная в англоязычном сказочном дискурсе. Для Дракона из Лайминстера вода –

естественная среда его обитания (1); связи водяного гоблина и дьявола с водной стихией гораздо слабее: они уже не обитают в воде, поскольку это противоестественно их природе, но волей случая оказываются в том или ином водном источнике. Например, имплицитная корреляция гоблина Никабора с водной стихией выражается в том, что, отпиливая сук, на котором он сидел, незадачливый персонаж падает в воду [8. С. 40]. Дьявол оказывается в воде в результате поражения в поединке с великаном, который в качестве наказания за нечестность забрасывает Старину Ника далеко в море (2).

1) ...a dunnamany years ago there was a gert dragon lived in that big pond there – Knucker his name was, and Knucker Hole we calls it today [16. P. 67].

2) And ‘e pick up Old Nicky by ‘is tail, and ‘e wade out down the Severn Channel, till ‘e were right out to the sea, ‘twere up to ‘is armpits. And then ‘e give ‘im a good swing, three times round ‘is head, and let go [16. P. 33].

Отдельные мотивы, встречающиеся в англоязычном сказочном дискурсе, также имеют явные параллели в скандинавской мифологической системе: уловки Джека – Победителя великанов, на которые он идет, чтобы победить противника, имеют много общего со стратегией великана Скрюмнира в противостоянии с богом Тором.

Великан Скрюмнир положил огромный камень на то место, где он спал, позволив Тору бить по нему своим могучим молотом. После каждого мощного удара великан якобы спросонок спрашивал, не лист ли, желудь или мох упали на него с дерева. Ср. тактику английского героя Джека в похожей ситуации: *Then, getting out of bed, he laid a billet in the bed in his stead, and hid himself in a corner of the room. At the dead time of the night in came the Welsh giant, who struck several heavy blows on the bed with his club, thinking he had broken every bone in Jack’s skin. The next morning Jack, laughing in his sleeve, gave him hearty thanks for his night’s lodging. ‘How have you rested?’ quoth the giant; ‘did you not feel anything in the night?’ ‘No,’ quoth Jack, ‘nothing but a rat, which gave me two or three slaps with her tail’* (Jack the Giant-Killer) [17]. Более того, Дж. Банс склонен также полагать, что в целом образ Джека тождествен образу скандинавского бога-громовика, защищавшего богов и людей от великанов и чудовищ [18. С. 192–193].

Мотив сохранения в целостности костей убиваемого (возможно, жертвенного) животного в той или иной мере присутствует в сюжетно-композиционной структуре отдельных английских сказок. В «Младшей Эдде» козлы Тора, о которых речь шла выше, являются не только средством передвижения бога-громовика, но и неиссякаемым источником пищи. Каждый вечер Тор убивает и жарит на ужин козлов (оставляя нетронутыми только кости), и каждое утро они вновь оживают [11. С. 546]. Запрет

ломать кости убитых животных присутствует и в сказочном дискурсе (let no bone be broken), что, очевидно, связано с архаическими верованиями о нахождении души в разных частях тела, в том числе и костях.

Сказка следующим образом запечатлела процесс «воскрешения» мертвого животного фейри: Then he saw the king stand on the table and say, «Gather the bones!» Round and round flew the imps, picking up the bones. ...and they placed them all in their proper positions in the hide of the cow. Then they folded the skin over them, and the king struck the heap of bone and skin with his rod. Whist! up sprang the cow and lowed dismally. It was alive again... (The Three Cows) [19].

Данный отрывок достаточно хорошо характеризует распространенные на территории Британских островов верования о том, что фейри, будучи известными воришками, похищают не сами предметы, а их сущность («фойсон»), оставляя хозяевам видимую оболочку [20. С. 62]. В сказке разница между нормальным полноценным животным и его фойсоном эксплицируется посредством противопоставления, в котором левый элемент представлен положительно маркированными номинациями домашнего животного в сочетании с эпитетами – его лучшими производительными характеристиками (fine fat beauties), а правый элемент – лингвостилистическими средствами (эпитетами, сравнениями), характеризующими полное отсутствие жизненных сил у животного (so thin that the wind would have blown her away; skin hung loose about her, all her flesh was gone; she stared out of her great eyes as though she'd seen a ghost; nothing but a bag of bones).

В битве с Лэмтонским змеем угадывается мотив сражения Тора перед концом света со змеем Йормунгандом [21. С. 17; 22. С. 148]. Помимо финального сражения со змеем в Рагнарек Тор сражается с ним также во время рыбалки с великаном Хюмиром. В «Песни о Хюмире» мотив извлечения богом змея из глубоких вод представлен следующим образом: Тор «сидел на корме / и донку снастил: / голову бычью / друг человеков, / недруг червей / насадил на крючок; / и тут же клюнул, / сглотнул наживку / гад кругосветный, / богов супостат» [23. С. 102].

Английская сказка «Лэмтонский змей» сохранила данный мотив частично, поскольку в текстах наблюдается лишь мотив извлечения чудовища героем из воды во время рыбалки. Следующая за вылавливанием чудовища сцена битвы с ним в скандинавском мифе полностью отсутствует в англоязычном сказочном дискурсе, поскольку герой бросает змея в колодец и забывает о нем до той поры, пока подросший змей не начинает творить бесчинства. Мотив змееборчества в том виде, в каком он присутствует в скандинавских сказаниях, значительно ослаблен; он наблюдаем лишь во второй части сказки и образует ее кульминацию, воспроизводя отголоски эсхатологических мотивов древних мифов. Ос-

лабление мифологических мотивов компенсируется усилением влияния христианских представлений на развитие сюжета и систему образов английской сказки. Змей посылается герою за недостойный христианина образ жизни, игнорирование религиозных обязанностей, нецензурную брань. Соответственно, характеризуя его как воплощение зла и порока, рассказчик акцентирует внимание слушателей на безобразном облике чудовища.

Уродливый, пугающий облик змея реализуется в сказочном дискурсе посредством эпитетов с отрицательной оценочной коннотацией, сравнительных конструкций и зооморфных номинаций: *a worm of most unsightly appearance; it resembled an eft, only it had nine holes on each side of its mouth; a head like an elf's, with nine holes on each side of its mouth; a Worm of hideous shape; the monster; the squirming worm; it was ugly; a mouthful of needlelike teeth; dark, slimy scales; its evil looking mouth; it smelt rotten* [19, 24, 25]. Усиление эмоционально-экспрессивного воздействия на слушателей (читателей) происходит за счет полного отождествления Лэмтонского змея с дьяволом (*I have caught the devil himself* [19]).

Определенное влияние оказал скандинавский миф на распространенную в Англии традицию почитания колодцев [26. С. 82–83]. Согласно скандинавской традиции, Один отдал свой глаз за возможность испытать воды из колодца мудрости. В результате этого поступка Один в качестве одного из имен получает эпитет «одноглазый» (а по мнению некоторых исследователей, он был вообще слепой): ср. «Я – Грим-личина / и Гангleri-странник, / Вождь – мне имя, / тож Шлемоносец, / Друг и Сутуга, Третьей и Захват, / Высокий и Слепо-Хель, / Истый, Изменный, / Истогадатель, / Радость Рати и Рознь, / тож Одноглазый, / тож Огнеглазый...» [23. С. 85].

В англоязычном сказочном дискурсе сохраняется почтительное отношение к колодцам, выполняющим в сказке самые разнообразные функции: от соединения реального и ирреального континуумов до целебных функций. В последнем случае может сохраняться устойчивая для английской культуры связь между целебными свойствами колодезной воды и болезнями глаз (а в более широком смысле – с полным выздоровлением и преображением человека): *...but still she held on; and yet she held on; and this she cast into a well of water and then he turned back into a mother-naked man* (Tamlane) [19].

Колодец может также выступать в качестве фона интеракции человека и сверхъестественного существа, чьи дары приносят человеку долгожданное исцеление (в том числе и от глазных болезней), т.е. роль колодца как непосредственного источника благодатного исцеления в таких случаях ослабевает и смещается на мифологических персонажей, неразрывно с колодцем связанных. Ср.: *As she stood gazing at the dainty object,*

the visitor, without having previously asked her any questions, handed to her a beautiful box filled with ointment, and directed her to apply the salve to the eyes of her child, whose sight it would restore. Surprised beyond measure at the little man's knowledge of her family affairs, the woman mechanically accepted the gift, but when, after carefully placing the box in her pocket, she turned to thank the giver, he was no longer to be seen; and satisfied that *she had had an interview with one of the beings after whom the well was named*, she started on her journey to her distant home [27. P. 160].

В дальнейшем связь между сверхъестественными существами (как правило, фейри) и особыми свойствами зрения, получаемыми человеком в ходе контактов с ними, усиливается в англоязычном сказочном дискурсе и получает регулярную языковую репрезентацию посредством именований волшебной мази с сопутствующими эпитетами, указывающими на ее чудесные свойства, и глаголов, обозначающих действия по использованию данной мази: *the Fairy ointment, the mysterious nature of the gift, the strange gift, the box of wonder-working ointment, the wondrous gift of fairy vision, a box of eye-salve, she anointed the little girl's eyes, he rubs one eye, to stroke the baby's eyes with it, etc.*

Элементы мотива самопожертвования как средства получения эзотерического знания сохраняются в сказках в редуцированном виде. Подобно Одину, расплатившемуся собственным глазом за обладание мудростью, сказочные герои также расплачиваются зрением (потерей глаза) за недозволенное вторжение в мир сверхъестественного, за присвоение себе способности познать суть вещей: *'The ointment! The ointment!' cried the old pixy thief. 'Take that for meddling with what don't concern you: you shall see me no more.'* And with that *he struck her on the right eye, and she couldn't see him any more; and, what was worse, she was blind on the right side from that hour till the day of her death* (The Fairy Ointment) [17].

Таким образом, система германо-скандинавских мифологических представлений оказала достаточно сильное влияние на английскую сказочную традицию. Элементы скандинавского мифа наблюдаются в системе номинаций мифологических персонажей, системе сказочных образов и отдельных мотивах. В англоязычном сказочном дискурсе скандинавские мотивы могут значительно ослабляться и выступать в редуцированном виде, взаимодействуя с античными мифологическими и христианскими представлениями. Восстановление первоначального мифологического значения слова осуществляется посредством анализа его внутренней формы, сравнительно-сопоставительного анализа фольклорных и мифологических текстов, обращения к другим формам фольклорной культуры.

Литература

1. **Мифология** Британских островов: Энциклопедия / сост. и общ. ред. К.М. Королёва. М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 640 с.
2. **Константинова А.В.** «Ворон» Теда Хьюза в контексте германской мифологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 226–232.
3. **The Greenwood** Encyclopedia of Folktales and Fairytales / ed. by D. Haase. Westport, London : Greenwood Press, 2008. Vol. 1–3. 1160 p.
4. **Hall A.** The Meaning of *Elf* and Elves in Medieval. England : Submitted for the Degree of Ph.D. Department of English Language, University of Glasgow, 2004. 280 p.
5. **Weekley E.** An Etymological Dictionary of Modern English. London : John Murray, 1921. 1660 p.
6. **Edwards G.** Hobgoblin and Sweet Puck. Fairy Names and Natures. London : Geoffrey Bles, 1974. 229 p.
7. **Lurker M.** The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons. London ; New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2004. 263 p.
8. **Addy S.O.** A Glossary of Words Used in the Neighbourhood of Sheffield. London : Trübner and Co., 1888. 331 p.
9. **Delattre F.** English Fairy Poetry: From the Origins to the Seventeenth Century. London : Henry Frowde, s.a. 234 p.
10. **Barber R., Riches A.** A Dictionary of Fabulous Beasts. London ; Basingstoke : Macmillan Ltd., 1971. 168 p.
11. **Мифология.** Энциклопедия / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. 736 с.
12. **Talbot W.H.F.** English Etymologies. London : John Murray ; Albemarle Street, 1847. 492 p.
13. **Briggs K.M.** British Folk-Tales and Legends: A Sampler. London ; New York : Routledge Classics, 2002. 373 p.
14. **Baring-Gould S.** The Book of Were-Wolves. London : Smith, Elder & Co., 1865. 264 p. URL: <http://www.sacred-texts.com/goth/bow/index.htm> (последнее обращение 22.08.2008).
15. **Eason C.** Fabulous Creatures, Mythical Monsters and Animal Power Symbols: A Handbook. Westport ; London : Greenwood Press, 2008. 181 p.
16. **Народные сказки** Британских островов : сб. / сост. Дж. Риордан. М. : Радуга, 1987. 368 с.
17. **Jacobs J.** English Fairy Tales London : David Nutt, 1890. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm (последнее обращение 16.03.2004).
18. **Bunce J.Th.** Fairy Tales: Their Origin and Meaning with Some Accounts of Dwellers in Fairyland. London : Macmillan and Co., 1878. 205 p.
19. **Jacobs J.** More English Fairy Tales. London : David Nutt, 1894. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm (последнее обращение 16.03.2004).
20. **Волшебные существа** : энциклопедия. СПб. : Азбука-классика, 2008. 512 с.
21. **Godfrey L.S.** Lake and Sea Monsters / ed. by R.E. Guiley. N.Y. : Chelsea House, 2008. 127 p.
22. **Kessler E.H., Wong-Mingji D.J.** Cultural Mythology and Global Leadership. Cheltenham : Edward Elgar Publishing Ltd., 2009. 390 p.
23. **Скандинавская** мифология : энциклопедия / сост. и общ. ред. К.М. Королёва. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 592 с.

24. **Hartland E.S.** English Fairy and Other Folk Tales. London : Walter Scott, 24 Warwick Lane, Paternoster Row, 1890. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (последнее обращение 16.03.2004).

25. **Keding D., Douglas A.** English Folktales. Westport ; London : Greenwood Publishing Inc., 2005. 231 p.

26. **Gomme G.L.** Ethnology in Folklore. London : Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1892. 200 p.

27. **Bowker J.** Goblin Tales of Lancashire. London : W. Swan Sonnenschein & Co., 1883. 266 p.

THE INFLUENCE OF GERMANIC-SCANDINAVIAN MYTHOLOGICAL TRADITION ON MYTHOLOGICAL BELIEFS IN ENGLISH FOLK TALE DISCOURSE

Plakhova O.A.

Summary. The paper describes the influence of Scandinavian myth on the characters and motives in English folk tale discourse. The elements of archaic beliefs are represented in the inner form of nominations of mythological personages and in the system of linguo-stylistic devices creating their image. In folk tale discourse Scandinavian motives can have a reduced form and interact with antique mythological and Christian beliefs.

Key words: Scandinavian mythology; mythological personage; English folk tale discourse.